

И.М. МАНУЙЛОВ (г. ПЕНЗА), А.К. ФРОЛОВ (г. МОСКВА)

Ж.М. Абдильдин, А.С. Балгимбаев.

Диалектика активности субъекта в научном познании.
– Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1977. – 304 с.;

Роль категории «идея» в научном познании.
– Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1979. – 249 с.*

Авторы рецензируемых книг исследуют важные и мало разработанные вопросы диалектики.

Проблема активности субъекта является, безусловно, одной из центральных в теории познания. Именно активность познания обеспечивает выполнение требований объективности и всесторонности рассмотрения, включения практики в теоретическое определение предмета, конкретности истины.

Ж.М. Абдильдин и А.С. Балгимбаев рассматривают познание как частный случай, или момент человеческой активности вообще. Познавательная активность мышления определяется ими как идеальная форма, проекция процесса материальной практической деятельности (см. с. 30, 100).

Авторы предприняли детальный историко-философский анализ становления идеи активности, показывая, что суть реальной проблемы и теоретической коллизии, занимавшей умы ученых на протяжении столетий, состояла в необходимости согласования принципа отражения с тем фактом, что познание сущности явления, выделение его в чистом виде возможно только в определенных условиях, создаваемых деятельностью человека. Домарксовский созерцательный материализм не справился с этой проблемой. Точно так же и идеализм, перенеся активность целиком в сферу

* Опубликовано в журнале «Вопросы философии». – 1980. – № 8.

мышления, остался, по существу, в рамках созерцательности, гегелевского «некритического позитивизма» (Маркс), принятия наличного эмпирического существования. Только марксизм сумел преодолеть обе разновидности созерцательности, разрешив противоречие метафизического материализма и немецкого классического идеализма.

Анализ истории проблемы и ее марксистского решения тем более поучителен, что современное естествознание часто сталкивается с теми же самыми трудностями. Так, авторы отмечают, что «ситуация, которая сложилась в квантовой теории... в логико-гносеологическом отношении поразительно сходна с той, которую описал Кант в «Критике чистого разума» (с. 235). Современное физическое познание и его методология насквозь антиномичны. В книге показано, что противоречия между крайними взглядами на сущность эксперимента и измерения, на природу волновой функции и т. д. разрешимы только в рамках диалектико-материалистической методологии.

Диалектика не ограничивается простой конъюнкцией крайних высказываний, нахождением «золотой середины» или «устранением» противоречий, она указывает путь к действительному их разрешению в рамках более общей теории. При этом важнейшим условием создания такой теории является усиление активности субъекта в познании: «возрастание активности субъекта есть оборотная сторона усиления объективности физического познания» (с. 268).

В книге раскрывается диалектика субъект-объектных отношений, складывающаяся в процессе познания и преобразования человеком окружающей действительности. Познание, отражение, как показывают авторы, является формой деятельности субъекта, продукт которой – научные понятия – отражают не предмет в его неподвижности, не абстрактно-общие признаки, присущие одновременно всем предметам одного класса, а способы преобразования предметов в практике человека.

Реализуя ленинское положение о деятельности человека как форме объективной реальности, авторы различают два вида субъективности. От субъективности, равной субъективизму, искажающей реальные связи и отношения действительности, необходимо решительно избавляться в познании. Но есть и другого рода субъективность, без которой не может быть объективности познания. Это познавательная активность, усиление которой означает отсеивание субъективного из познания (см. с. 212). В этом смысле активность познания оказывается равной его конкретности. «Чтобы действительно познать предмет, составить о нем понятие, необходимо с самого начала учитывать активность субъекта, указать ту «систему отсчета», объективную позицию, относительно которой реально существует предмет, и подвергнуть его теоретическому анализу. Таким образом, практика непосредственно входит в формулировку теоретического понятия. Если при выработке понятия не учитывать практического отношения субъекта, то такое понятие не может быть конкретным» (с. 135).

Опираясь на работы ряда советских философов и естествоиспытателей, авторы раскрывают, в частности, решающее значение принципа активности субъекта в физическом познании.

В.И. Ленин указывал, что противоположность субъекта и объекта «не чрезмерна», относительна. Это обстоятельство необходимо внимательно учитывать, поскольку в современной физике неуклонно возрастает роль принципа относительности. Относительность пространственно-временных характеристик объектов к системе отсчета дополняется в квантовой механике относительностью волновых и корпускулярных свойств микрообъектов к средствам измерения. Указанные свойства теряют всякий конкретный смысл без точного указания на систему отсчета или на устройство и тип измерительной установки. В такой ситуации отождествление системы отсчета или

измерительной установки с самим наблюдателем ведет либо к крайнему субъективизму и релятивизму, либо к крайнему объективизму, в зависимости от того, признается или отвергается влияние прибора на объект познания. Специфика квантово-механического описания, как показано в книге, состоит в том, что влияние прибора органически входит в формулировку понятий и законов. От того, как понимается это влияние, зависит выбор между агностико-идеалистической и диалектико-материалистической трактовками квантовой механики. В связи с этим авторы подвергают аргументированной критике концепцию неконтролируемого взаимодействия прибора и объекта. Развитие современной науки предполагает, как правило, развитие и усовершенствование уже существующих форм научно-теоретического мышления, его категориального аппарата, сложившегося естественноисторическим образом.

В этом еще раз убеждает содержание книги «Роль категории «идея» в научном познании», написанной коллективом авторов (И.Е. Ергалиев, Г.Г. Соловьева, М.С. Орынбеков, М.С. Сабитов) под руководством Ж.М. Абдильдина.

«Проблема идеи в истории философии, – отмечают авторы, – это поиск ответа на вопрос о природе и сущности знания» (с. 23). В диалектике идея рассматривается как такая логическая форма мышления, которая выше понятия, ибо в границах идеи абстрактно взятые противоположности субъективного и объективного, материального и идеального, понятия и реальности, мысли и образа и т. д., сохраняя свое своеобразие и качество, то есть оставаясь противоположностями, тем не менее, осознаются и понимаются не абстрактно, а конкретно, как лишь моменты чувственно-предметной, материально-производственной деятельности общественного человека.

В книге на большом историко-философском и историко-научном материале последовательно проводится

принцип материалистического монизма в понимании логической природы идеи.

Проблема идеи возникает в философии Платона именно как вопрос об отношении всеобщего к единичному и особенному. Заслугу Платона авторы видят в том, что он первым в истории философии осознал деятельную природу всеобщего, обнаруживающего себя в сфере человеческой культуры как мир «идей», который противостоит любому человеку как особый предмет, отличный от формообразований «девственной» природы. Однако Платон, а затем и классики немецкой идеалистической диалектики, в частности, Гегель, гипостазировали знание всеобщего, содержащееся в логической форме идеи, возвели его в абсолют, противопоставили природному и культурно-историческому миру единичных вещей и людей, полагая последний лишь модификацией, бледной копией идеи.

Для Маркса же возникновение идеи как особой и исторически необходимой формы научно-теоретического мышления «выступает реально лишь опосредствующим звеном в действительно-практическом движении – общественного человека» (с. 42). Деятельная природа идеи, по мысли авторов, обнаруживает себя на практике, на деле, ибо идея в отличие от понятия в свое содержание включает не только знание сущности предмета знания, но и знание средств, способов, форм его творческого преобразования в соответствии с целями общественного человека.

Авторы связывают возникновение идеи как логической формы мышления с переходом от эмпирического к теоретическому уровню знания. Теоретический характер знания, содержащегося в идее, обусловлен также и тем, что именно в форме идеи находят свое идеальное, а затем и материальное разрешение объективные противоречия действительности.

Особенно интересным в плане развития принципов диалектической логики представляется научно-теоретическое

осмысление в книге того известного из истории науки факта, что любая действительная идея, революционизирующая и теорию и практику, всегда возникает сначала в форме художественного образа, ориентированного на красоту, понимаемую как целесообразность, а, точнее говоря, как «целесообразность», то есть сообразность частей с целым, гармоническое сочетание, соединение частей с целым.

Этот факт был осознан в классической немецкой философии Кантом, Фихте, Шеллингом и в особенности Гегелем. За ним кроется исключительно интересная и важная проблема диалектики как логики. В формулировке Э.В. Ильенкова – это вопрос о влиянии искусства на науку, о роли развитого культурного созерцания, воображения, мышления образами в продуцировании научных и технических идей.

Идея «первоначально и постигается, схватывается – и не только художником, но и ученым – как некоторый образ. И это постоянное сопровождение идеи образом дает нам ключ к разгадке тайны природы идеи» (с. 68). Однако нам думается, что в этом факте «постоянного сопровождения идеи образом» кроется не конец, а лишь начало проблемы, не разгадка, а скорее сама загадка возникновения идеи из художественного образа. Тайна универсальности логической формы идеи, органически включающей в себя и мышление образами и мышление понятиями, кроется в конечном счете, по Марксу, в универсальности орудийной деятельности людей, деятельности «по меркам любого вида», а в силу этого также и «по законам красоты». И искусство и наука возникают в конечном счете из потребностей общественного производства и обслуживают материально-производственную и революционно-критическую деятельность людей по преобразованию своего природного и общественного бытия.

Оценивая обе монографии в целом, наряду с несомненными достижениями авторов, следует отметить недостатки, носящие частный характер.

Ж.М. Абдильдин и А.С Балгимбаев подробно выясняют роль практики как основы познания и критерия истины. В то же время в тени остается вопрос о практике как цели познания. Ведь познавательная активность субъекта, будучи проекцией его практической материальной активности, является одновременно и важнейшей предпосылкой будущей творческой деятельности. Мысли, высказанные авторами по этому поводу во второй главе книги (см. с. 118 и др.) и являющиеся хорошей основой для понимания природы творчества, не получили, к сожалению, дальнейшего развития. Наряду с этим, в книге есть неоправданные повторы и длинноты.

В заключение необходимо подчеркнуть, что рецензируемые книги представляют собой заметные вехи в серии исследований, проводимых Институтом философии и права АН Казахской ССР в области материалистической диалектики.